

HISTORIA ROSSICA

ПОЛ КИНАН

САНКТ -
ПЕТЕРБУРГ
И РУССКИЙ
ДВОР

1703-1761

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Пол Кинан

**Санкт-Петербург и
русский двор, 1703–1761**

«НЛО»

Кинан П.

Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / П. Кинан —
«НЛО», — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-481403-1

Основание и социокультурное развитие Санкт-Петербурга отразило кардинальные черты истории России XVIII века. Петербург рассматривается автором как сознательная попытка создать полигон для социальных и культурных преобразований России. Новая резиденция двора функционировала как сцена, на которой нововведения опробовались на практике и демонстрировались. Книга представляет собой описание разных сторон имперской придворной культуры и ежедневной жизни в городе, который был призван стать не только столицей империи, но и «окном в Европу». Ценной чертой исследования является сравнение быта Петербурга с другими европейскими столицами, что позволяет автору показать, в чем было своеобразие российской столицы, а в чем она следовала общей моде. Автор делает вывод, что внешний облик Петербурга, его институты, его общественная и культурная жизнь – все имело отношение к другим тогдашним дворам и городам Европы, но при этом обладало отчетливым русским колоритом. Пол Кинан преподает всемирную историю в Лондонской школе экономики (Великобритания).

ISBN 978-5-44-481403-1

© Кинан П.

© НЛО

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пол Кинан
Санкт-Петербург и русский двор 1703—1761
Памяти Линдси Хьюз (1949–2007)

БЛАГОДАРНОСТИ

Эту книгу было бы попросту невозможно написать без содействия множества людей и академических учреждений. Исследовательский совет гуманитарных наук финансировал первоначальную стадию моей работы над этим проектом, а Департамент всемирной истории Лондонской школы экономики любезно предоставлял средства на последующие исследовательские командировки. Осуществить этот проект я не смог бы без помощи сотрудников различных российских архивов и библиотек. Назову эти учреждения: Российский государственный архив древних актов, Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека. В Великобритании я признателен за помощь сотрудникам библиотеки Школы славянских и восточноевропейских исследований, Британской библиотеки и Национального архива в Кью.

Большинство аспирантов считают себя счастливыми, имея одного хорошего руководителя, а мне повезло работать с двумя. Роджер Барлетт был главной движущей силой в течение первых двух лет моего исследования и с тех пор оказывал мне неизменную поддержку. Затем ответственность за меня взяла на себя Линдси Хьюз и добилась – в свойственной ей ободряющей и практической манере – успешного завершения моей диссертации в 2005 г. После ее безвременной кончины в 2007 г. я могу лишь надеяться хотя бы в малой мере воздать долг благодарности за все, чему она меня научила, посвятив эту книгу ее памяти. Я скорблю о ее уходе.

Я в долгу благодарности также перед многими очень занятыми людьми, которые не пожалели драгоценного времени, чтобы частично или полностью прочитать мою работу и поделиться замечаниями. Мне особенно хочется поблагодарить Тима Хохштрассера, Саймона Диксона, Джэнет Хартли, Изабель де Мадарьягу, Доминика Ливена, Гэри Маркера, Венди Росслин и Ричарда Баттервика. Пока я находился в России, моя исследовательская работа стала гораздо продуктивнее благодаря содействию Ольги Кошелевой, Александра Каменского, Евгения Анисимова и Бориса Морозова, чьи советы по теме и руководство по части поисков нужного материала очень мне помогли. В Великобритании Группа изучения России XVIII в. создавала дружелюбную и конструктивную атмосферу при обсуждении моих работ на протяжении десятка лет. В издательстве «Пэлгрейв Макмиллан» я благодарю за помощь Дженни Макколл, Холли Тайлер и Клэр Менс, которые больше двух лет были очень терпеливы ко мне. Наконец (а в личном отношении – важнее всего) я должен поблагодарить моих родителей и братьев, мою жену Ройзин и нашу дочь Найоим, ведь все они в той или иной форме прожили с этой книгой так же долго, как и я. Их любовь и понимание помогли мне пройти этот путь, и я навсегда им благодарен.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении трех столетий, со времени своего основания в 1703 г., Санкт-Петербург не перестает завораживать, и с первого же взгляда нетрудно понять почему. Этот сравнительно молодой город, основанный только в начале XVIII в., стремительно вырос и превратился в прославленную столицу одной из великих держав Европы, и некоторые особенности этого процесса помогают объяснить непреходящую привлекательность Санкт-Петербурга. Его часто называют российским «окном в Европу» – эти слова Франческо Альгаротти, побывавшего здесь в 1730-х гг., четко обрисовывают положение города в географическом и культурном отношении¹. Мифы, связанные с созданием и развитием города, по сей день привлекают большой интерес². Один популярный пример – это миф о его основании, который встречается во многих литературных произведениях о Петербурге; Петр в нем предстает создателем нового города в дикой пустыне. Однако в этой картине не учитываются два обстоятельства: то, что в мае 1703 г. Петра, возможно, не было при этом судьбоносном событии, и то, что на предполагаемом пустынном месте основания Петербурга находилась шведская крепость Ниеншанц, а также еще ряд мелких поселений, в первую очередь городок Ниен³. Этот топос основания Петербурга исходит от череды авторов XVIII века, начиная с петровского времени воспевавших свершения основателя города. Затем миф получил широкое хождение благодаря тому, что А.С. Пушкин включил его в знаменитую поэму «Медный всадник»⁴.

И хотя эти образы Петербурга полны поэтического вымысла и мифов, они существенно влияли на восприятие города. В его характерной архитектуре отразились различные европейские стили; благодаря своему расположению на берегу Балтики он играл важную коммерческую и дипломатическую роль в связях России с Северной и Западной Европой. Эти контакты оказывали сущностное воздействие на Петербург в первые десятилетия после его основания. Кроме того, в XVII в. только Москва могла сравниться размерами и населенностью с другими европейскими городами, а российское общество в целом оставалось преимущественно сельским до конца XIX в. Хотя Санкт-Петербург и не был создан на пустом месте, но строительство нового города такого масштаба стало крупнейшим проектом, а потому и символом большой важности. По моему мнению, именно первая половина XVIII в. задала тон всему дальнейшему развитию Петербурга как ведущего европейского столичного города. Прежде чем познакомить читателя с общими направлениями настоящей работы, я хочу коснуться двух вопросов, которые встретились мне на начальном этапе исследования, а впоследствии помогли вписать эту книгу в научный контекст. Вопросы эти связаны с выбором периода исследования – первой половины XVIII в., а также его предмета – культурной жизни Санкт-Петербурга.

Значение Петра I, или Великого, и его царствования для России издавна служит темой дискуссий. Как в народном восприятии, так и в академической науке он по-прежнему остается в центре внимания. Живой характер и странности Петра ярко описаны в популярных сочинениях о его царствовании⁵. Научный же анализ упорно посвящали результатам петровских реформ, давая позитивные или негативные оценки их последствий для дальнейшего развития

---

¹ *Algarotti F. Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and the Marquis Scipio Maffei. London, 1796. Vol. 1. P. 70.*

² См., например: *Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. СПб., 1994.*

³ О присутствии Петра см.: *Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 520–541; в более общем плане см.: Kency С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.*

⁴ *Пумпянский Л.В. Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1939. Вып. 4–5. С. 94–100.*

⁵ Популярный пример современной книги такого рода: *Massie R. Peter the Great: His Life and World. New York, 1981.* (Она-то впервые и познакомила меня с русским царем и его временем).

России⁶. В советское время исследователи обсуждали, главным образом, роль Петра в преобразовании России, причем культура в этом процессе считалась менее важной, чем военное дело или экономика⁷. Если в нескольких важных работах, особенно в конце советского периода, исследовалась цена этих «революционных» реформ – например принудительное и контролирующее начало петровской системы, – то фундаментальная парадигма исследований не изменилась сколько-нибудь существенно в сравнении с концом имперского периода (до 1917 г.)⁸. Однако за последние два десятилетия вышел целый ряд работ о петровской эпохе, которые, воздавая должное трудам предшественников, демонстрируют достоинства иного подхода к этому периоду. В частности в этих работах анализируются ранее недостаточно изученные его аспекты – влиятельные политические сети, сложные формы культурного самовыражения власти при петровском дворе и т.д.⁹ Другие недавние исследования позволяют лучше представить себе характер данного периода в контексте важных событий предшествующего XVII столетия и влияния иностранных образцов¹⁰.

Еще один аспект дискуссии о значении Петра I выдвигает на передний план десятилетия между его смертью в 1725 г. и восшествием на престол Екатерины II в 1762 г. Это время между двумя «великими» царствованиями в России XVIII в. часто недооценивали из-за представления (как научного, так и общераспространенного) о слабости и неустойчивости тогдашних властителей, которых один историк незабываемо описал как «невежественных распутных женщин, полоумных германских принцев и малых детей»¹¹. Эта точка зрения оказалась и широко распространенной, и живучей, так что десятилетия середины XVIII в. остались сравнительно малоизученными. Но все-таки в историографии существует ряд работ об этом времени, с попытками оправдать или хотя бы лучше понять этих правителей¹². Недавно возникла общая тенденция заново обратиться к исследованию эпохи дворцовых переворотов с применением внушительного комплекса архивных и опубликованных материалов, чтобы проанализировать и опровергнуть некоторые мифы, такие как проблема стагнации или влияние фаворитов¹³. Если в ревизионистских исследованиях петровской России подчеркивается необходимость изучения масштаба и характера петровских преобразований в более широком контексте, то значение послепетровского периода выявляется при изучении последствий этих реформ, так как их эффективность и устойчивость уже можно оценивать должным образом. Учитывая размах преобразований, которым Россия подверглась в эту эпоху, и не в последнюю очередь – то бремя, которым они обернулись для населения, неудивительно, что один ведущий историк говорит о необходимости «передышки» в послепетровский период, т.е. времени,

---

⁶ Неудивительно, что Петр занимал важное место в споре между славянофилами и западниками в XIX в.: *Riasanovsky N. Russian Identities: a Historical Survey. Oxford, 2005. P. 151–160.*

⁷ Обзор советского периода изучения Петра см.: *Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford, 1985. P. 234–302.*

⁸ *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004. P. 1–12.* Такой критической работой о петровских реформах является книга: *Anisimov E.V. The Reforms of Peter the Great: Progress through Coercion in Russia / Transl. J. Alexander. Armonk, NY, 1993* (см. на русском: *Анисимов Е.В. Время петровских реформ. СПб., 1989*).

⁹ Два образца таких исследований представляют собой работы: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998*; *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.*

¹⁰ См., например: *Kotilaine J., Poe M. (eds.). Modernizing Muscovy: Reform and Social Change // Seventeenth-Century Russia. London, 2005.*

¹¹ *Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. London, 1953. Vol. 1. P. 432.*

¹² Примеры таких работ, сохраняющих ценность, см.: *Lipski A. A Re-Examination of the „Dark Era“ of Anna Ioannovna // American Slavic and East European Review. Vol. 15 (1956). P. 477–488*; *Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986* (в англ. пер.: *Anisimov E.V. Empress Elisabeth: Her Reign and Her Russia, 1741–1761 / Transl. J. Alexander. Gulf Breeze, FL, 1995*).

¹³ См., в частности: *Курочкин И.В. Эпоха «дворцовых бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003.*

когда многочисленные реформы могли прочнее укорениться и лучше приспособиться к обстановке¹⁴.

Петербург как раз и был одним из преобразований, введенных Петром и нуждавшихся в таком периоде адаптации, пусть впоследствии он и стал самым зримым и долговечным из всех петровских начинаний. Желание Петра основать новый город зародилось в 1690-х гг., но сам Петербург – это явный пример нововведения, не имевшего никаких корней в допетровской эпохе. Кроме того, местоположение города и предназначенные ему функции, несомненно, отражают стремление Петра к прямому контакту с остальной Европой – в военном, коммерческом, культурном отношении¹⁵. Поэтому возникает соблазн видеть в Петербурге физическое воплощение широкомасштабных целей царя-реформатора. И хотя реальность, разумеется, сложнее, чем предполагает этот общий подход, мысль Дж. Крэйкрафта о том, что город был заложен и строился в рамках замысла создать новый образ России внутри страны и за границей, кажется поразительной и, на мой взгляд, убедительной¹⁶. Петербург с первых десятилетий своего существования стал предметом обширной и разнообразной литературы, причем как местным жителям, так и авторам извне хотелось побольше узнать о его истории и характерных чертах, особенно с приближением одного из юбилеев, как было в 1903 и 2003 гг.¹⁷ Современные истории города обыкновенно повествуют о развитии Петербурга с начала имперской эпохи до советского периода и далее, рассматривая его при этом в качестве тигля политических, социальных и культурных перемен в России¹⁸.

Петербург стал важной темой для череды поколений русских писателей, и вопрос о том, что же он представляет собой, рассматривался в ряде работ, посвященных его отображению в литературе. В этих работах анализируется риторическое и символическое отображение города, так часто предстающее в его описаниях¹⁹. Для избранного мною периода начала XVIII в. признанной отправной точкой остается фундаментальный труд П.Н. Петрова по истории Санкт-Петербурга до 1782 г., содержащий не только богатейшую информацию, но и критический взгляд на некоторые городские мифы²⁰. Строительство и первые годы жизни города при Петре освещены первопроходческой работой С.П. Луппова²¹. Эта тема получила дальнейшее развитие в двух крупных исследованиях сравнительно недавнего времени, О.Г. Агеевой и Е.В. Анисимова, в которых гораздо больше внимания уделено социальной и культурной жизни юного города²². Каждая из названных книг, как обобщающих, так и конкретных, сыграла важную роль в формировании моего представления о городе и в выборе областей для дальнейшего исследования.

Настоящая книга рассматривает Санкт-Петербург как сознательную попытку создать полигон для конкретных социальных и культурных преобразований России, на фоне дальнейшего развития ее связей с остальной Европой. Это не означает для меня ни того, что эти

---

¹⁴ *Kamenskii A.B.* The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World / Ed. and transl. D. Griffiths. Armonk, NY, 1997. P. 128–129 (см. на русском: *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999).

¹⁵ *Jones R.* Why St. Petersburg? // Hughes L. (ed.). Peter the Great and the West: New Perspectives. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

¹⁶ *Cracraft J.* The Revolution of Peter the Great. Cambridge, MA, 2003. P. 135–156.

¹⁷ Об увлечении русских изучением Петербурга см.: *Johnson E.D.* How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of Kraevedenie. University Park, PA, 2006.

¹⁸ См., например: *Lincoln W.B.* Sunlight at Midnight: St. Petersburg and the Rise of Modern Russia. Oxford, 2001.

¹⁹ *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика / Пер. М.Н. Жарова. М., 2009; *Buckler J.* Mapping St. Petersburg: Imperial text and Cityshape. Princeton, NJ, 2001.

²⁰ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях (1703–1782). СПб., 1884.

²¹ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга. М., 1957.

²² *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999; *Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

попытки являлись последовательным или цельным набором шагов, ни того, что Петербург следует воспринимать как Российскую империю в миниатюре. Для страны, в которой в данный период официально зафиксированное городское население составляло три процента от общего числа жителей, Петербург вряд ли был типичен по составу и уровню прироста населения²³. В результате в моем исследовании рассматривается развитие Петербурга в нескольких взаимосвязанных ракурсах, с особым акцентом на роли двора в стимулировании и регулировании культурной жизни города. В работе охвачен период от основания Петербурга до смерти дочери Петра, Елизаветы, значение которого нередко недооценивалось при изучении этой темы. На мой взгляд, достижения этого периода имеют ключевое значение для понимания приоритетов и действий Екатерины II как в отношении собственно города, так и в отношении двора²⁴. Для того чтобы создать контекст для анализа, заключенного в последующих главах, ниже кратко представим три проблемы, составляющие фон этой книги: вопрос об отношениях России с остальной Европой, недавние достижения науки в изучении двора раннего Нового времени, в частности в России, и, наконец, сравнение Петербурга с другими городами, являвшимися резиденциями дворов (*Rezidenzstädte*).

РОССИЯ И ЕВРОПА

Сравнивая Россию XVIII в. с широко определяемым регионом, именуемым Европой, или Западом, следует задаться вопросом, что этот регион значил для современников, а не прилагать это определение анахронистически. Риска сильно преуменьшить, можно сказать, что в раннее Новое время термин «Европа» был комплексным, как и сейчас. Религиозный раскол Реформации поставил под вопрос представление о единстве католического христианства времен Средневековья, а попытки создать «универсальную монархию» были сорваны династическими распрями XVI–XVII вв.²⁵ Тем не менее религиозные идеи и идеи римского классицизма по-прежнему определяли содержание дискурса «Европы» в кругах ученых начала Нового времени. В их глазах Европа была сердцем цивилизованного мира, и считалось, что ей присущи некоторые ценности, например свобода, подчеркивавшие ее цивилизованность по сравнению с ее соперниками-«варварами» в Азии и Северной Африке²⁶. Россия же представляла собой интересный объект применения этих идей. В Средние века она составляла часть европейской системы, когда Киевская Русь поддерживала постоянные, хотя и несистематические отношения с рядом ведущих держав, таких как Византийская империя²⁷. После двухвекового монгольского владычества великий князь Московский Иван III решительно утвердил свой суверенитет, что привело к возобновлению отношений с другими правителями Европы в XV в. В итоге Московия сформировала коммерческие и дипломатические контакты с несколькими германскими государствами, а с середины XVI столетия также с Англией и Республикой Соединенных провинций.

Династический брак Ивана III, принесший ему союз с династией Палеологов, бывших правителей Византии, стал важным шагом к широкому признанию России на европейской сцене. С падением Константинополя в 1453 г. Москва стала претендовать на роль ведущего православного христианского государства и восточного преемника имперского наследия

---

²³ *Kuzewetter A.A.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 113.

²⁴ Линия поведения Екатерины II в отношении города подробно рассмотрена в кн.: *Munro G.* The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison Cranbury, NJ, 2008.

²⁵ *Burke P.* Did Europe Exist before 1700? // *History of European Ideas.* 1980. Vol. 1. P. 1–29.

²⁶ *Pocock J.G.A.* Some Europes in their History // A. Pagden (ed.). *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union.* Cambridge, 2002. P. 55–71.

²⁷ *Raffensberger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge, MA, 2012.

Рима²⁸. Однако в то же время Московия на протяжении почти всего раннего Нового времени оставалась глухой окраиной континентальной Европы, а ее непоколебимое православие создавало напряженность с католической церковью, с которой произошел разрыв еще в 1054 г. И все же небольшое, но постепенно возрастающее число иностранцев приезжало в Россию, в том числе ремесленники, купцы, солдаты и дипломаты. Описания, оставленные этими путешественниками, играли ключевую роль в формировании в начале Нового времени полемики о России, о ее форме правления, о ее статусе цивилизованной (или нецивилизованной) страны²⁹. Хотя приезжие иноземцы вызывали недоверие, чтобы не сказать, ксенофобию, московская элита пользовалась их компетентностью на протяжении всего допетровского периода, что очевидно хотя бы из итальянского влияния на архитектуру Кремля и его соборов³⁰. Иностранное присутствие обрело постоянный оплот в середине XVII в. с появлением Немецкой слободы в Москве, оказавшейся важным, хоть и ограниченным каналом для притока иностранных специалистов, для переноса их знаний и практических навыков³¹.

С тех пор эти связи развивались в нескольких важных направлениях. В Европе все лучше осознавали существование Московии. Ее участие в Священном союзе против Османской империи в 1680-е гг., хотя бы в качестве союзника Польши, едва ли было успешным в военном отношении, но в нем отразилось признание полезной роли Московского государства в международных делах, а также гарантировалась принадлежность ему Левобережной Украины³². Это приобретение, кроме того, приблизило Россию к «Европе» в географическом смысле, хотя общепризнанная восточная граница Европы и так постепенно перемещалась в восточном направлении, от Дона в XV в. до Уральских гор в XVIII столетии³³. Этот рубеж предложили, на основании анализа различий физико-географических черт по обе стороны Уральского хребта, Филипп Иоганн фон Штраленберг, шведский офицер, находившийся в плену в России, и В.Н. Татищев, русский географ и поборник петровского наследия, впервые выступивший в этом споре от имени России³⁴. Хотя Россия простиралась на обоих континентах, сердце ее лежало по европейскую сторону от этого рубежа. Если Московия имела в это время обширные контакты с азиатскими державами и питала к ним определенное уважение, то существовало и явственное чувство их чужеродности, сформированное не в последнюю очередь на религиозных основаниях. Подобным образом, в отношениях с Сибирью и в морских исследованиях ее берегов с конца XVIII в. отмечается много сходства между имперскими позициями России и стран Европы³⁵.

Еще один аспект этой взаимосвязи относится к «европеизации» России в указанный период. Сейчас термин «европеизация» стал несколько распространеннее, чем его параллели «вестернизация» или «модернизация», но он, естественно, напоминает о спорной природе подобных концепций (или процессов) для России³⁶. Неточность подобных всеохватных терминов уже выявлена в ходе долговременного спора об этом предмете, в котором были поставлены важнейшие вопросы хронологии этого процесса, сфер его влияния, масштабов его воз-

²⁸ *Majeska G.* Rus' and the Byzantine Empire // Gleason A. (ed.). *A Companion to Russian History*. Oxford, 2009. P. 61–62.

²⁹ *Poe M.* *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca, NY, 2000.

³⁰ См., например: *Shvidkovsky D.* *Russian Architecture and the West*. New Haven, CT, 2007. P. 73–104.

³¹ *Baron S.* *The Origins of the Seventeenth-Century Moscow's Nemeckaja Sloboda* // *California Slavic Studies*. 1970. Vol. 5. P. 1–17.

³² *Hosking J.* *Russia and the Russians*. Cambridge, MA, 2001. P. 181–182.

³³ *Parker W.H.* *Europe: How Far?* // *The Geographical Journal*. 1960. Vol. 126/3. P. 278–286.

³⁴ *Bassin M.* *Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space* // *SR*. 1991. Vol. 50/1. P. 6–7.

³⁵ См. статьи Уортмана и Оллуорта в сб.: *Whittaker C. (ed.)*. *Russia Engages the World, 1453–1825*. Cambridge, MA, 2003. P. 91–117, 139–161.

³⁶ Так, о дискуссии по поводу «модернизации» и вопроса о ее применимости к России XVIII в. см.: *Dixon S.* *The Modernization of Russia, 1676–1825*. Cambridge, 1999. P. 1–24.

действия³⁷. Прав П. Бушкович, подчеркивая, как опасно характеризовать результаты развития России в терминах абстрактной «Европы», нередко основанных на исключительном, а не на типичном³⁸. Имея это в виду, я опирался на работу Дж. Крейкрафта, чья монография о культурном развитии России в петровскую эпоху и о восприятии разнообразных европейских влияний содержит краткое, но полезное определение европеизации: «ассимиляция или, скорее, присвоение до некоторой степени европейских практик и норм»³⁹. Настоящее исследование помещает Петербург и его культурную жизнь рассматриваемого периода в широкий контекст исследований других примеров Европы того времени, чтобы понять характер и масштабы его развития.

РОССИЯ И ДВОР РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

У людей раннего Нового времени не существовало сомнений в том, что королевский двор занимает центральное место в мире. Для народных масс, как и теперь, жизнь и деятельность королевских особ обладала известной притягательностью, которая могла объясняться и верноподданническими чувствами, и справедливым негодованием, и праздным любопытством. Этот интерес подогревался публикацией истории королей, биографий, собраний исторических анекдотов – данное течение в литературе живет по сей день, хотя сама монархия как политический институт и поблекла. Однако двор редко служил предметом внимания ученых, ассоциируясь с интересом к церемониальной обстановке и внешним атрибутам придворной жизни на поверхностном уровне. Серьезное академическое исследование королевских дворов началось лишь в недавние десятилетия. Труд Норберта Элиаса о придворном обществе стал, несомненно, крупным вкладом в это направление, несмотря на обширную критику, которой он подвергся со стороны историков данного периода⁴⁰. Заслуга Элиаса состоит в импульсе к пересмотру некоторых основных представлений о составе и функциях королевского двора, проясняющему его роль как института раннего Нового времени⁴¹. В новых исследованиях истории двора разработана детальная, более тонко нюансированная картина двора раннего Нового времени как основного центра событий данного периода, а также пересмотрены прежние положения об отношениях короля и элиты, о роли религии, о влиянии новых культурных практик⁴².

Историография русского двора представляет собой столь же разнородную картину. Историки позднего имперского периода создали ряд важных научных трудов о правителях и их дворах прежних веков, и некоторые из них остаются классической отправной точкой для современных исследований на эту тему⁴³. Несмотря на существовавший тогда уклон в сторону биографических исследований, в которых исторические анекдоты и сплетни соседствовали с архивными материалами, в них отчасти раскрывается совокупность официальных и популярных представлений о некоторых правителях, особенно о Екатерине II⁴⁴. В советский период

³⁷ См., например дискуссию об этих проблемах между М. Раевым, И. де Мадарьягой и Дж. Крейкрафтом: SR. 1982. Vol. 41/4. P. 611–638.

³⁸ *Bushkovitch P.* Cultural Change among the Russian Boyars, 1650–1680: New Sources and Old Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. No. 56. 2000. P. 92–94.

³⁹ *Cracraft J.* Petrine Revolution in Russian Culture. P. 308.

⁴⁰ *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002. Ценный обзор историографии двора и взвешенную критику работы Н. Элиаса о придворном обществе см.: *Duindam J.* Myths of Power: Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1994.

⁴¹ Важный сборник, посвященный этим вопросам, см.: *Asch R., Birke A. (eds.)*. Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, p. 1450–1650. Oxford, 1991.

⁴² См., например статьи, представленные в сб.: *J. Adamson (ed.)*. The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime, 1500–1750. London, 1999.

⁴³ См., например: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. В 4-х ч.. СПб., 1900.

⁴⁴ *Dixon S.* Catherine the Great and the Romanov Dynasty: The Case of the Grand Duchess Maria Pavlovna (1854–1920) // *R. Bartlett, L. Hughes (eds.)*. Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century. Münster, 2004. P. 200–209.

исследования двора были довольно скудными, так как в марксистской историографии этот институт отождествлялся с деспотической жестокостью, коррупцией и развратом. Существенный вклад в наше понимание двора XVIII в. был в этот период сделан в области изучения его организационной и финансовой структуры⁴⁵. Такая работа была, несомненно, полезна, особенно потому, что выявила сложность и фрагментарность материала, относящегося к данной тематике. В последние десятилетия этот подход стал меняться, так как царский двор снова сделался предметом серьезных исследований, постепенно вливающих в обширную историографию двора за пределами России⁴⁶. Подъем этой новой волны в изучении истории двора в России был дополнен бурным интересом к другим граням раннего Нового времени, которые прежде игнорировались или оттеснялись на второй план, например проблемы религии, гендера, идентичности⁴⁷.

Ценность этих исследований состоит в том, что они оспаривают прежние предположения или восполняют пробелы в наших знаниях, опираясь на обширную работу в русских архивах – ныне более доступных, чем когда-либо раньше, – и на сравнительный анализ, основанный на исследованиях других конкретно-исторических тем, а также на данные родственных академических дисциплин. При этом двор предоставляет полезный ракурс, с которого можно подходить к ряду таких областей исследования. Некоторые историки оспаривают широко принятое мнение, что у Петра I не хватало времени или терпения на сложные ритуалы, а потому он ввел новый «светский» двор, в противовес его московскому религиозному предшественнику⁴⁸. На самом деле, как отмечалось выше, Петр воспринял те существующие старомосковские обычаи, которые годились для его целей, а в остальном одновременно ввел новые, что отразилось в реформе московского церемониального календаря и в учреждении празднования новых годовщин⁴⁹. В сущности, царствование Петра далеко не было периодом сплошной секуляризации в русской культуре, и в недавних исследованиях ясно показано, что деятельность его ближнего кружка имела религиозные основы, а православие сохраняло свою важную роль в главных ритуалах двора⁵⁰. Например об этом говорит исследование г. Маркера, посвященное культу святой Екатерины в России XVIII в. и содержащее искусный анализ соотношения между православием, женским правлением и его отражением в русской придворной культуре⁵¹.

Детальная архивная работа выявила большой объем не исследованного ранее материала, относящегося к эволюции русского двора как института в течение XVIII в. Так, О.Г. Агеева рассмотрела этот процесс в двух дополняющих друг друга монографиях. В первой автор рассматривает «европеизацию» двора, анализируя наименования придворных должностей и введение новых правил, разработанных зачастую на основании практики иностранных дворов⁵². Вторая работа представляет собой исчерпывающее исследование придворной администрации, главных должностей и финансовых дел в манере, подобной работе Дуиндама о Вер-

⁴⁵ См. фундаментальное исследование этой темы: *Троцкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

⁴⁶ Отличный обзор некоторых ведущих работ см.: *Zitser E.* New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6/2. P. 375–392.

⁴⁷ См., например: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, 1992; *Thyret I.* Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, IL, 2001; *Wirtschafter E.K.* Social Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL, 1997.

⁴⁸ Так, один из вариантов этого мнения изложен в статье: *Anderson M.* Peter the Great: Imperial Revolutionary? // *Dickens A.* (ed.). The Courts of Europe: Politics, Patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977. P. 263–281.

⁴⁹ *Погосян Е.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.

⁵⁰ *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Кошелев А.Д. (ред.). Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 528–583; *Zitser E.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY, 2004 (см. русский перевод: *Щипер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008).

⁵¹ *Marker G.* Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, IL, 2007.

⁵² *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М., 2006.

сале и Вене⁵³. Если сравнительный контекст других европейских дворов в основном не изучен, то эти две монографии, несомненно, устанавливают новый золотой стандарт для архивных исследований русского двора. К ним примыкают другие, столь же подробные архивные изыскания, среди которых недавнюю книгу К.А. Писаренко о дворе Елизаветы можно приветствовать как вклад в изучение недостаточно освещенного периода, ибо она содержит множество новых деталей по широкому спектру жизни двора⁵⁴. Этот новый подход лежит в основе моей работы, способствуя пониманию сложности изучаемого периода, и я рассматриваю роль двора в созидании и возвращении церемониальной и общественной жизни Санкт-Петербурга. Органическая связь между русским двором, придворной верхушкой и городом сопоставима с примерами аналогичных отношений в Европе, которые рассмотрены в нижеследующем разделе.

РОССИЯ И RESIDENZSTADT

Заботу Петра и его преемников о развитии Петербурга некоторые историки рассматривали как попытку создать в России некую версию германского *Residenzstadt*, или «стольного града», города-резиденции⁵⁵. В самой своей основе термин *Residenz* использовался, чтобы обозначить постоянное или хотя бы длительное пребывание правителя и его двора в конкретном месте, в противоположность кочующим средневековым и ренессансным дворам, которые постоянно перемещались в разные центры по всему своему владению⁵⁶. Эта тенденция имела ряд причин. Рост численности двора и расходов на его содержание делал постоянную базу более привлекательной, к тому же такие города-резиденции могли использоваться как материальное или символическое воплощение богатства, статуса и, наконец, власти их правителя⁵⁷. Как правило, присутствие властителя с двором преображало малые или большие города, или, как в случае Санкт-Петербурга, их специально строили для этой цели. Тому есть выдающиеся примеры по всей Европе раннего Нового времени⁵⁸. Одним из первых примеров того, как королевский двор избрал постоянное место, а затем преобразовал его в соответствии со своими потребностями, было развитие Мадрида при испанских Габсбургах. Они, начиная с Филиппа II, своими королевскими инвестициями превратили маленький городок в крупный столичный город⁵⁹. Дворец и садовый комплекс Людовика XIV в Версале представляют собой выдающийся и влиятельный образец резиденции, заново созданной на месте старого охотничьего домика и специально размещенной за пределами Парижа⁶⁰.

Несомненно, Версаль был одним из самых впечатляющих явлений такого типа, но он не оказывал столь всеохватного влияния, как думают традиционно. Главные династические соперники Бурбонов, австрийские Габсбурги, имели другой вариант – более суровую, но столь же величественную резиденцию на базе венского дворца Хофбург⁶¹. Далее, стиль итальянских архитекторов, воплощенный в постройках Джанлоренцо Бернини, возведенных в Риме

---

⁵³ Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008.

⁵⁴ Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

⁵⁵ См., например: *Alexander J. Petersburg and Moscow in Early Urban Policy // Journal of Urban History. 1982. Vol. 8/2. P. 146–148.*

⁵⁶ *Wilson P. Absolutism in Central Europe. London, 2000. P. 65–66.*

⁵⁷ Классическое, хотя и своеобразное рассмотрение этой темы см.: *Mumford L. The Culture of Cities. London, 1938. Глава 2, особенно с. 78–82, 108–113.*

⁵⁸ См., например: *Andermann K. (ed.). Residenz–Aspecte hauptstädtischer Zentralität von der frühen Neuzeit bis zum Ende der Monarchie. Sigmaringen, 1992.*

⁵⁹ *Rodríguez-Salgado M. The Court of Philip II of Spain // Asch R., Birke A. (eds.). Princes, Patronage, and the Nobility. P. 207–244.*

⁶⁰ *Blanning T.C.W. The Culture of Power and the Power of Culture. Oxford, 2002. P. 29–33.*

⁶¹ *Spielman J. The City and Crown: Vienna and the Imperial Court, 1600–1740. West Lafayette, IN, 1992.*

в XVII в., мог не отвечать вкусам Людовика XIV, но пришлось по нраву в тогдашней Центральной и Северной Европе⁶². Такое разнообразие культурных влияний можно наблюдать при целой серии дворов разного размера и значения, где правило множество князей, герцогов, епископов и прочих правителей, сидевших по всем германским землям во второй половине XVII в.⁶³ Величественная резиденция служила властителю для утверждения его статуса – реального, вождельного, а порой и «утешительного» – дабы снискать признание современников как в стране, так и за рубежом. Амбиции баварских Виттельсбахов и курфюрстов Саксонии находили выражение в масштабных реконструкциях Мюнхена и Дрездена начиная с 1680-х гг.⁶⁴ Претензия правителя Пруссии на королевский титул в 1701 г. заставила его совершить крупные вложения в Берлин – Фридрих I стремился укрепить свое новое положение при помощи обширных строительных начинаний и пышных придворных празднеств. При этом прусские короли продолжали короноваться в Кенигсберге, что напоминает ситуацию в России⁶⁵.

Говоря о Петербурге, конечно, можно обнаружить сходство между новым городом Петра и резиденциями других тогдашних правителей Европы. Подобно некоторым мелким германским столицам, этот город был полностью обязан своим существованием воле правителя. Быстрое развитие Петербурга было не столько естественным процессом, сколько результатом денежных вложений со стороны сменявших друг друга правителей и богатой городской верхушки. За два десятилетия со своего основания Петербург прочно утвердился как главное местопребывание царского двора и высших органов управления. Однако, вопреки распространенному мнению, при Петре Петербург не был официально объявлен столицей⁶⁶. После смерти его основателя в 1725 г. позиции Петербурга оказались под сомнением. К концу 20-х гг. возникло предположение, что государственные институты, возможно, навсегда вернутся в Москву, где предпочел поселиться юный царь Петр II и где умер в 1730 г. Зато триумфальное возвращение Анны Ивановны с двором в Петербург в 1732 г. подтвердило правящий статус нового города, и за следующие тридцать лет двор пробыл в Москве в общей сложности только три года.

При этом, вопреки заверениям в противном со стороны некоторых позднейших комментаторов, Москва тогда вовсе не была заброшена⁶⁷. В ней разворачивались многочисленные строительные проекты, в том числе возводились официальные здания, дворцы, церкви, во многом напоминавшие те, что заказывались в Петербурге⁶⁸. Кроме того, Москва продолжала играть важную церемониальную роль для русского двора, так как служила местом, где проводились крупные ритуалы, и прежде всего, венчание на царство⁶⁹. Такой частично совпадающий статус обоих городов отразился в терминах, применявшихся для их обозначения в этот период. Возьмем хотя бы один пример – в названиях географических карт Москвы и Петербурга, составленных как русскими, так и иностранными картографами, используются одинаковые слова для обозначения их роли как местопребывания двора и столиц. Санкт-Петербург именуется *la Capitale* (Николя де Фер, 1717 г.), *Haupt-residenz* (Иоганн Хоманн, 1720 г.), *Residenz Stadt* и

⁶² Kaufmann Th. D. Court, Cloister, and the City: The Art and Culture of Central Europe, 1450–1800. Chicago, IL, 1995. P. 270–279.

⁶³ Полезный обзор см. в работе: Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Oxford, 2012. Vol. 2. P. 228–229.

⁶⁴ Klingensmith S. The Utility of Splendor: Ceremony, Social Life, and Architecture at the Court of Bavaria, 1600–1800. Chicago, IL, 1993. P. 19–64; Watanabe-O’Kelly H. Court Culture in Dresden: From Renaissance to Baroque. Basingstoke, 2002. P. 193–212.

⁶⁵ Friedrich K., Smart S. (eds.). The Cultivation of Monarchy and the Rise of Berlin: Brandenburg-Prussia, 1700. Farnham, 2010; Clark Ch. Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia: 1600–1947. London, 2007. P. 67–114.

⁶⁶ Ашисимов Е.В. Юный град. С. 71–72.

⁶⁷ См., например: Щербатов М.М. Прошение Москвы о забвении ея // М.; Пб.: Pro et contra / Сост. Исупов К.Г. СПб., 2000. С. 81–87.

⁶⁸ Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, IL, 1988. P. 111–131.

⁶⁹ Dixon S. Modernisation. P. 170.

Столичный город (Жозеф де Лиль, 1737 г., и Джон Траскотт, 1753 г.) – последнее выражение применялось также к Москве (Иван Мичурин, 1739 г.), наряду с его вариантом *Царствующий град* (1763 г.). Затем эти карты воспроизводились в той или иной форме в европейских странах⁷⁰. Их заголовки важны, ведь в них Санкт-Петербург признавался равным другим столицам Европы, потому что именовался теми же терминами, а кроме того, в них подтверждался действующий статус Москвы, «старой» столицы.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ

Первая глава содержит обзор создания Санкт-Петербурга и составляющих его пространств. Планировка и облик города отражают один из аспектов связи между Россией и остальной Европой в рассматриваемый период. Но все эти планы – от расположения городских районов до проектов его главных зданий – должны были учитывать природные и практические ограничения, налагаемые местными особенностями. В Петербурге возникло нескольких новых искусственных пространств, служивших форумом для соответствующих преобразований. В главе рассматривается создание и развитие в городе общественных, интеллектуальных и церемониальных пространств, чтобы создать контекст для более детального их обсуждения в последующих главах. В главе второй исследуется еще один аспект соотношения между Россией и остальной Европой путем обсуждения полицейского законодательства, введенного в ряде европейских стран ради установления «доброго порядка» («благочиния») среди их жителей. В главе рассмотрено учреждение первого в России полицейского органа в Петербурге в 1718 г. Главная полицмейстерская канцелярия была создана Петром I для надзора над несколькими ключевыми сферами жизни нового города, ради физического, экономического и нравственного благополучия его населения. На примере изучения нескольких конкретных проблем – пьянства, азартных игр и непристойного поведения – делается вывод, что Россия подходила к решению этих проблем теми же методами, что и другие европейские страны, хотя и с весьма неоднозначными результатами.

Третья глава посвящена русскому двору и его ежегодным праздникам. Русский двор XVIII в. был как институт родственным своему московскому предшественнику, но отличался от него новыми чинами и должностями, которые имели европейские названия и функции. Так было и с придворным календарем – новые праздники прибавились к существовавшим религиозным датам московского двора. Последним придавали новую форму, чтобы возвеличить роль государства и правящей династии, как при Петре, так и, в особенности, при его преемниках. В главе рассматривается несколько примеров крупномасштабных публичных торжеств в Санкт-Петербурге, посвященных конкретным важным событиям – царским въездам, свадьбам, похоронам, – в ходе которых устанавливалась крепкая связь между династией и городом. Планирование, организация и символическая образная система, относящаяся к этим событиям, выражали стремление русского двора занять прочное положение на придворной карте Европы. Четвертая глава переходит к вопросу о влиянии двора на светскую жизнь петербургского общества. Анализ направлен на взаимосвязанные светские мероприятия, участие в которых активно поощрялось правителями в этот период, причем такая практика продолжалась и в дальнейшем – при Екатерине II и после нее. Наконец, в Петербурге проходили многие традиционные народные виды развлечений – ледяные горы и иные сезонные увеселения. В главе идет речь об их постоянном присутствии, чтобы подчеркнуть тему преемственности, наряду с нововведениями в различных сферах социальной и культурной жизни Петербурга.

Наконец, в пятой главе фокус внимания перемещается с пространств города на людей – предполагаемых участников происходящих там событий. «Европеизированные» события

---

⁷⁰ Postnikov A. V. *Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country*. Moscow, 1996. P. 42–49.

жизни петербургского общества, например ассамблеи, были новшеством, а потому их предполагаемые участники не были изначально подготовлены к такому испытанию. В главе рассматриваются некоторые аспекты их адаптации. Решающим способом овладеть умениями, которые считались необходимыми, чтобы правильно вести себя в обществе, было их изучение. Новые образовательные учреждения для элиты, например Кадетский корпус, наряду с все более широким привлечением иностранных домашних наставников ведущими знатными фамилиями, облегчали этот процесс. Советы по уместному поведению можно было получить также из иностранной литературы по этикету, встречавшейся уже в русском переводе. Танцы сделались важной частью образования в этот период, так как они учили двигаться, держаться и вести себя в свете. Глава заканчивается рассмотрением перемен в платье и уходе за внешностью как наиболее зримого символа преобразований в российском обществе того времени. Европейские моды становятся обязательными среди элиты и избранных групп горожан, причем доступ на некоторые мероприятия и площадки в Петербурге нередко регулировался требованиями к виду платья, и тем самым отсекались низшие социальные группы. Эти реформы помогли свести к минимуму физические и, до некоторой степени, культурные различия между русскими и их современниками в других странах Европы.

Возвращаясь к описанию города, оставленному Альгаротти, отметим, что он выделил ряд особенностей постройки Петербурга: «Тут господствует какой-то смешанный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским...» и «...кто-то даже сказал: в других местах руины образуются сами по себе, а здесь их строят»⁷¹. Эти наблюдения, типичные для литературного стиля Альгаротти, затрагивают, Тем не менее две важные темы, влиявшие на мнение о Петербурге всю его историю. Первая касается природы взаимоотношений России с Европой, характеризуя их как неразборчивое подражание разным стилям, а вторая подчеркивает характер фундаментальных основ города, которые предстают плохо продуманными и неустойчивыми. В нижеследующих главах изучаются вопросы, вытекающие из этих двух положений, и оспариваются их выводы.

---

⁷¹ *Algarotti F. Letters from Count Algarotti. P. 76–77.*

Глава 1

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: РАЗМЕЩЕНИЕ ГОРОДА

Как основатель Санкт-Петербурга Петр I сознательно, а возможно, и подсознательно стремился управлять пространством города и его населением с определенными целями. Эти цели отчасти имели отношение к общему замыслу его реформ – превратить Россию в более могущественное государство на внутреннем и на международном уровне, – но также говорили о желании использовать город как испытательный полигон для некоторых конкретных начинаний. Если Петербург начинал свое существование как укрепленный порт на балтийском берегу, то Петр I и его преемники совершили немало усилий, чтобы сделать его облик, институты и функции гораздо более подходящими для царской резиденции или столицы. Города, которые Петр посетил во время Великого посольства 1697–1698 гг., естественным образом натолкнули его на ряд вдохновляющих идей для нового проекта. Список этих городов включает в себя как столицы, так и не столь крупные, но все же значительные города Центральной Европы: Рига, Митава, Кенигсберг, Амстердам (и особенно Заандам), Лондон, Лейпциг, Дрезден, Прага, Вена, Рава-Русская. Эти города стали источником богатейших впечатлений и примеров, которые в той или иной степени оказались важными для планов Петра. Международные порты, центры коммерции, средоточия наук или очаги придворной культуры – эти города позволили молодому царю ощутить явственный аромат возможностей, доступных ему.

В этой главе мы рассмотрим, как в Санкт-Петербурге создавались разнообразные пространства, здания, учреждения и как они в дальнейшем влияли на развитие города. Петербург, только что основанный город, давал отличную возможность планировать и регламентировать его существование. Размещение в новом городе главных органов государственного управления России, естественно, также требовало усиленного внимания властей. Пожалуй, важнейшему из институтов, привлекавших такое внимание, – царскому двору, – будет специально посвящена третья глава этой книги. От разметки улиц на плане до облика важнейших зданий, от вопроса о том, как заселить город людьми, до задачи добиться их «упорядоченного» повседневного поведения Санкт-Петербург представлял собой заранее задуманный проект, пусть и не всегда хорошо скоординированный и последовательный. И одной из главных помех в процессе планирования являлось природное местоположение города. Центральное место в топографии Петербурга занимала Нева: река разделяла город на отдельные районы, не всегда надежно связанные друг с другом и неудобные для сообщения. Поэтому (и, в сущности, по необходимости) река стала важнейшим элементом и повседневной, и праздничной жизни города. Еще одно природное пространство в Петербурге представляли собой царские сады, которые символически воплощали использование природы для благих целей, отражая стремление Петра I представить новый город как земной рай, «парадиз». Кроме того, сады являлись одним из важных социальных пространств внутри города, что будет рассмотрено подробнее в четвертой главе.

Перемещение в Петербург повлияло на социальную жизнь высшего общества, особенно с появлением нескольких новых видов общественных собраний как при дворе, так и в домах знатных семейств. В усвоении этих новшеств в рассматриваемый период заметен переход от принуждения к регулированию, а затем к принятию нового социального контекста русской элиты. Далее, в городе разместились вновь образованная Санкт-Петербургская Академия наук, призванная на протяжении XVIII в. способствовать утверждению Петербурга в роли крупного центра научных исследований. А между тем Академия наук служила еще и образцом для петербуржцев, показывая пример поведения образованных, воспитанных (не говоря уже – цивилизованных) людей, а ее публичные мероприятия позволяли демонстрировать это российской и иностранной публике. Наконец, в силу присутствия в городе царской семьи, а также военной,

гражданской и придворной верхушки здесь, естественно, отмечалось большинство государственных праздников. Если календарь придворных празднований будет рассмотрен в деталях в третьей главе, то здесь важно дать некоторое представление о тех пространствах, в которых проходили эти торжества. Хотя явление на свет Петербурга было абсолютным новшеством в хронологическом смысле, форма и содержание упомянутых выше аспектов его жизни говорят о более сложном соотношении между традиционным и новым.

«РЕГУЛЯРНЫЙ» ГОРОД?

Пример Европы часто выдвигают на первый план как источник влияний на представления Петра о его новом городе. Архитектурный облик Петербурга и различные учреждения также, в той или иной форме, опирались на существующие образцы. Санкт-Петербург часто сравнивали с другими европейскими городами, несмотря на отсутствие сколько-нибудь ясно различимого их влияния на Петра или на кого-либо из его ближайших советников. Так, итальянцы, приезжавшие в Петербург в XVIII столетии, не разделяли мнение некоторых тогдашних комментаторов, сравнивавших его с Венецией только по причине наличия водных артерий и каналов⁷². По словам ряда наблюдателей, любимой моделью Петра был Амстердам – морской порт, выросший на международной торговле⁷³. Однако и Венеция, и Амстердам формировались на протяжении столетий, в то время как Петербург был новым проектом – он давал возможность сразу разрабатывать единый замысел, а не переделывать готовую городскую среду⁷⁴. Другим источником вдохновения для Петра служили многочисленные трактаты по архитектуре и фортификации из библиотеки Кремля⁷⁵. Петр пополнял свою личную библиотеку во время Великого посольства, покупая множество трудов по архитектуре. Затем некоторые из этих книг были переведены на русский язык, благодаря чему в нем появился новый набор архитектурных терминов. Например знаменитое сочинение Джакомо ди Виньола «Regola delli cinque ordini d'architettura» («Канон пяти ордеров архитектуры», впервые изданный в 1562 г.) было напечатано в русском переводе в 1709 г. и дважды переиздано в царствование Петра, в 1712 и 1722 гг.⁷⁶

Следующим шагом было дать ход этим замыслам, к чему царь и приступил с самого начала существования города. Не успели закончиться земляные работы для строительства укреплений, как Петр уже заказывал своим военным инженерам планы для будущей Петропавловской крепости. Планированию в более широких масштабах мешала война, пока позиции России на Балтике не укрепились в результате ряда успешных кампаний и осад под командованием фельдмаршала Б.П. Шереметева. В 1706 г. Петр I учредил Канцелярию городских дел (в 1723 г. переименованную в Канцелярию от строений) под началом У.А. Сенявина и с итальянцем Доменико Трезини в качестве главного архитектора, призванную координировать разнообразные работы при строительстве Петербурга⁷⁷. Канцелярия, в лице своих архитекторов, не только ведала проектами планировки и застройки города, но также распоряжалась массами рабочей силы и строительными материалами. Поэтому она имела, для гражданского учрежде-

⁷² Одно из таких мнений см.: *Weber F.Ch.* The Present State of Russia. London, 1968. Более скептические взгляды рассмотрены в статье Марии ди Сальво: *Salvo M. di.* A Venice of the North? Italian Views of St. Petersburg // Cross A. (ed.). St. Petersburg, 1703–1825. Basingstoke, 2004. P. 71–79.

⁷³ См., например: *Whitworth Ch.* An Account of Russia as it was in the year 1710. London, 1758. P. 126.

⁷⁴ *Egorov Iu. A.* The Architectural Planning of St. Petersburg. Transl. Eric Dluhosch. Athens, GA, 1969. P. 23–25.

⁷⁵ *Hughes L.* Western European Graphic Material as a Source for Moscow Baroque Architecture // SEER. 1977. Vol. 55/4. P. 433–443.

⁷⁶ *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, IL, 1988. P. 150–152.

⁷⁷ *Луннов С.П.* История строительства Петербурга. М., 1957. С. 62–66.

ния, довольно большой бюджет, составлявший около пяти процентов государственного дохода в начале 1720-х гг.⁷⁸

Победа в Полтавском сражении в конце июня 1709 г. стала поворотным пунктом Северной войны, когда сам Петр уверился в том, что город надежно защищен и что можно приступать к разработке его генерального плана⁷⁹. Начиная с этого момента появилась тенденция заказывать единые проекты для целых районов – таких, как Адмиралтейская часть, или даже для города в целом, – которые бы точно следовали пожеланиям Петра и, что немаловажно, учитывали бы возможности казны. Желаемые черты регулярного барочного города воплотились в известном плане, представленном французским архитектором Ж.Б.А. Леблоном в 1716 г. Основой плана была, прежде всего, застройка Васильевского острова (в этом отразилась еще одна из отправных идей Петра по поводу центра его нового города) с геометрической сеткой улиц и каналов, обнесенных обширными укреплениями в тогдашнем французском стиле Вобана. Особенности географического положения города, в частности сложности, связанные с болотистой местностью и шириной Невы, а также громадные расходы, которых требовало выполнение такого плана, делали его неосуществимым в полном масштабе, особенно потому, что строительные работы в городе уже шли полным ходом к тому моменту, когда Леблон приехал в Россию. Тем не менее некоторые элементы плана Леблona были сохранены, как показывает сетка улиц и каналов, которая к середине XVIII в. сложилась на Васильевском острове⁸⁰.

В законодательстве того времени также отразилось намерение придать регулярный облик новому городу. С 1714 г. закон регламентировал, какие виды домов надлежало строить для разных групп общества и из каких материалов. Типовые проекты образцовых домов для «подлых» и «именитых» людей были заказаны Доменико Трезини⁸¹. С апреля 1714 г. в Петербурге по этим проектам начали строить дома. Указы о строительстве свидетельствуют также о постоянном европейском влиянии на этот процесс. Так, в одном из указов по поводу возведения мазанковых домов специально отмечалось, что это делается «прускою манерой»⁸². Была также попытка регламентировать, где именно в городе должны размещаться дома, в зависимости от положения в обществе их хозяев. Указ от июня 1712 г. гласил, что знать должна строить дома вверх по Неве от Первого Зимнего дворца Петра, а купцам и ремесленникам предписывалось строиться на другом берегу Невы, на Васильевском острове⁸³. Впрочем, эти предписания, как и заказанные архитекторам планы Петербурга, тогда было затруднительно осуществить на деле. В конце следующего года вышло официальное напоминание о переезде, адресованное перечисленным в нем группам населения. Такие напоминания стали обычным явлением в рассматриваемый период⁸⁴.

Непросто обстояло дело и с образцовыми проектами домов, разработанными Трезини? – они годились только для тех, кто мог себе позволить постройку таких домов, и фактически применялись лишь для фасадов зданий в наиболее заметных местах города, например по берегам основных водных артерий. Указ о возведении домов в местах, отведенных под заселение, был повторно издан в марте 1720 г., но по-прежнему было очень трудно заставить людей переезжать в некоторые районы города, особенно на Васильевский остров⁸⁵. Приезжавшие в Петербург иностранцы отмечали, что этот район находится в довольно заброшенном состоянии. Член голштинского посольства Фридрих-Вильгельм фон Берхгольц, побывав на Васильевском ост-

⁷⁸ Cracraft J. The Petrine Revolution. P. 175. Fn. 77.

⁷⁹ Петр I – Ф.М. Апраксину. 27 июня 1709 г. ПИБПВ. Т. 9. Ч. 1. С. 231.

⁸⁰ Cracraft J. The Petrine Revolution. P. 158–159.

⁸¹ Изображения этих домов приведены в кн.: Лисаевич И.И. Первый архитектор Петербурга. Л., 1971. С. 48.

⁸² ПСЗ. Т. 5. 2850. 12 октября 1714 г.. С. 126–127.

⁸³ Там же. Т. 4. 2540. 6 июня 1712 г.. С. 840–841.

⁸⁴ Там же. Т. 5. 2748. 4 декабря 1713 г.. С. 74.

⁸⁵ Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998. P. 215–217.

рове в марте 1725 г., записал, что множество каменных домов стоят пустыми, так как их знатные владельцы «имеют дома и в других местах города»⁸⁶. Сэр Фрэнсис Дэшвуд, прибывший в Петербург в составе английской торговой миссии в начале 1730-х гг., также сообщал в 1733 г. об этих красивых, но пустующих домах, как и о том, что, хотя Васильевский остров считается коммерческим центром города, многие купцы здесь не живут. По его мнению, это объяснялось сооружением понтонного моста, позволявшего купцам с легкостью добираться на остров с Адмиралтейской стороны, чтобы вести свои дела на Бирже⁸⁷.

Из-за того, что Петербург рос очень быстро, требования Петра исполнялись, в лучшем случае, бессистемно, чему способствовали и неблагоприятный климат, и упрямство жителей города. Основательную реконструкцию здесь смогли начать лишь после того, как крупные пожары, случившиеся летом 1736 и 1737 гг., уничтожили большинство деревянных строений – эти обиталища городских низов теснились позади регулярных каменных зданий, стоявших по берегам главных рек. В середине 1737 г. в Петербурге была учреждена Комиссия о Санкт-Петербургском строении, призванная регулировать проектирование и застройку улиц и площадей, дабы придать центральным районам города более единообразный облик⁸⁸. Одним из ведущих архитекторов в этой комиссии был П.М. Еропкин, которого Петр I в 1716–1724 гг. посылал за границу учиться художествам в Амстердаме и в ряде городов Италии. По возвращении оттуда Еропкин проявил себя как плодовитый архитектор, работая над проектами зданий по всему городу, а также в царских резиденциях в его окрестностях, включая Петергоф и Ораниенбаум⁸⁹. Он составил рукописный трактат по архитектуре, «Должность архитектурной экспедиции», часть разделов которого отмечена влиянием знаменитого сочинения Андреа Палладио «Четыре книги по архитектуре» («I quattro libri dell'architettura», 1570)⁹⁰. В связи с арестом и казнью Еропкина в 1740 г. за участие в политическом заговоре работа Комиссии о Санкт-Петербургском строении понесла ущерб, но она успела под его руководством выработать принцип деления города на пять отдельных административных частей – Адмиралтейскую, Васильевскую, Петербургскую, Выборгскую и Московскую – и утвердить в качестве центральной осевой основы Петербурга трехлучевую структуру проспектов, расходящихся от Адмиралтейской крепости⁹¹.

Новая череда пожаров в конце 1740-х гг. привела к дальнейшей расчистке ветхой застройки в центре Петербурга, что создало возможности для последующего его развития. В частности этот период стал временем становления Невского проспекта, как он назывался с 1738 г., в роли главной внутригородской артерии (за исключением Невы). Проспект тянулся от Адмиралтейства до городской заставы прямо за Фонтанкой и продолжался дальше до Александровской лавры. Если берега Невы и водных путей меньшего масштаба, таких как Мойка и Фонтанка, оставались предпочтительным местом реализации крупных строительных проектов, то к середине столетия и на Невском проспекте стало появляться все больше солидных построек. Несколько больших дворцов, существующих в настоящее время, были построены в этот период. Например Аничков дворец был заказан для фаворита Елизаветы, графа А.Г. Разумовского, вскоре после того, как она захватила престол в конце 1741 г. Архитектором этого

⁸⁶ Берхгольц Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 (гл. 3 и 4) // Наумов В.П. (ред.). Юность державы. М., 2000. С. 272.

⁸⁷ Dashwood F. Sir Francis Dashwood's Diary of his Visit to St. Petersburg in 1733 / Ed. Betty Kemp // SEER. 1959. Vol. 38. P. 202, 206.

⁸⁸ ПСЗ. Т. 10. 7323. 10 июля 1737 г. С. 216–217.

⁸⁹ Калязина Н. В., Калязин Е. А. Петр Еропкин // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997. С. 156–190.

⁹⁰ Несмотря на то что это сочинение пользовалось признанием после смерти Еропкина (труд завершили его коллеги, Михаил Земцов и Иван Коробов, продвигавшие его в царствование Елизаветы), оно оставалось неопубликованным, пока не вышло в сборнике «Архитектурный архив» (М., 1946. №1. С. 21–100).

⁹¹ Обзор этих планов см.: Семенов С.В. и др. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 186–187.

проекта стал М.Г. Земцов, ученик Д. Трезини, коллега Еропкина по Комиссии о Санкт-Петербургском строении и автор ряда проектов каменных домов по Невскому проспекту. Возведение Аничкова дворца продолжалось 12 лет, а надзирал за ним архитектор Бартоломео Растрелли, уроженец Франции, которого Петр I пригласил в Россию. На него же возлагалась ответственность за проект и строительство Строгановского дворца по воле барона С.Г. Строганова, заказавшего его в 1753 г.⁹² Влияние искусно разработанного стиля Растрелли прослеживается в целом ряде построек елизаветинского времени по всему городу, в особенности в его работах над царскими резиденциями, которые рассматриваются ниже.

Единству общего архитектурного облика Петербурга естественным образом препятствовало смешение стилей в городе, что неудивительно, если учесть пестрое происхождение многих его архитекторов – французов, немцев, итальянцев, русских. Впрочем, к началу 1760-х гг. отчетливо проявились наиболее характерные черты городского облика, благодаря планам, разработанным Комиссией о Санкт-Петербургском строении для города в целом и его отдельных частей, а также благодаря конкретным проектам архитекторов – членов Комиссии о Санкт-Петербургском строении. Все это нашло отражение на знаменитой карте Петербурга 1753 г.⁹³ Эти перемены также сказались на жизни населения города, а как жилось людям в Петербурге в его ранние годы, мы рассмотрим в нижеследующем разделе.

НАСЕЛЕННЫЙ ГОРОД

Процесс заселения нового города тоже подлежал официальному регулированию и проводился способом, напоминавшим рекрутские наборы. Первые строительные работы здесь были начаты войсками и местным населением, но их численности не хватало на осуществление обширных планов нетерпеливого Петра. Начиная с 40 тыс. работных людей по указу от марта 1704 г. на строительство нового города направлялись десятки тысяч работников, и в 1705 г. установилась ежегодная практика двух трехмесячных смен, с апреля по октябрь. В 1707 г. число работных увеличилось, но нужды войны против Швеции, а также усилившееся бегство, невзирая на то что работных сопровождала в Петербург вооруженная охрана, приводили к тому, что назначенное указами число работных в город не доставлялось⁹⁴. У.А. Сенявин раз за разом писал царю, а позднее в Сенат, что нужно больше работных для восполнения убыли⁹⁵. Однако из-за тяжелых условий труда и жизни людей, из-за оторванности их от дома, из-за самого характера набора было трудно выполнять эти требования. Считалось также, что множество работных умирало на строительстве из-за тяжелых условий, – это мнение часто звучало в иностранных описаниях города⁹⁶. Между тем убедителен вывод С.П. Луппова о том, что цифры, приводимые иностранцами, несомненно преувеличены⁹⁷. Точное число смертей, вызванных болезнями и невыносимыми условиями труда, было довольно сложно установить, и не в последнюю очередь – из-за отсутствия точной информации⁹⁸. Однако чрезмерно высоко-

⁹² *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 310–316.

⁹³ *Семенцов С.В. и др.* Санкт-Петербург. С. 190–191.

⁹⁴ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях (1703–1782). СПб., 1884. С. 57–61.

⁹⁵ *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911. С. 141–149.

⁹⁶ О многочисленных описаниях Санкт-Петербурга иностранцами в царствование Петра I и о приводимом ими количестве смертей при строительстве города см. ценный обзор в примечаниях к русскому переводу дневника сэра Фрэнсиса Дэшвуда: *Беспятых Ю.Н. (ред.)*. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 73–74. Например во время визита Дэшвуда в 1733 г. эта цифра, по слухам, достигла 300 тыс. человек (!). См.: *Dashwood F.* Sir Francis Dashwood's Diary. P. 203.

⁹⁷ *Луппов С.П.* История строительства Петербурга. С. 94.

⁹⁸ Подробное рассмотрение этого вопроса см.: *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 78–81; *Аншимова Е.В.* Юный

кий уровень смертности кажется маловероятным в свете того, что в ранние годы постоянное население Петербурга было малочисленно (всего лишь около 8 тыс. в 1710 г.), дважды в год увеличиваясь из-за притока работных, а к 1725 г. численность населения резко возросла почти до 40 тыс.⁹⁹

Ожидалось, что, помимо этих мобилизованных работных людей, новый город Петра станут заселять дворяне и купцы, чтобы выполнять там свои новые полезные функции. Так, английский посол в России Чарльз Уитворт отметил в мае 1712 г. выход указа, предписывавшего строить дома в Петербурге тысяче из лучших дворянских фамилий, такому же числу купцов и 2 тысячам ремесленников¹⁰⁰. Другим указом, в 1714 г., снова предписывалось тысяче богатейших дворянских семей переезжать из Москвы в Петербург и строить там дома¹⁰¹. Долгосрочные планы Петра относительно переселения жителей в Петербург отразились в представленном в Сенат в августе 1712 г. списке 1212 военных и гражданских чинов, купцов и ремесленников, получивших приказ перебираться сюда после завершения войны со Швецией. На заключительном этапе войны эти планы начали осуществляться, причем на Сенат возлагалась обязанность контролировать процесс переселения¹⁰². Петр допускал очень мало исключений из этих предписаний, и лишь беременным женщинам на сносях и тяжело больным людям разрешали повременить с отъездом (но не избежать его совсем). Последующий указ гласил, что дворы жителей, не переехавших на Васильевский остров с материковой части города до 1725 г., будут разрушены, а их владельцы поселены в «черные избы» на Васильевском острове¹⁰³. Однако тот факт, что указы о переселении в новый город издавались вновь и вновь до самой смерти Петра, а в Сенат потоком шли прошения дворян, желавших вернуться в свои имения, говорит о том, что переезд в Петербург продолжал встречать сопротивление¹⁰⁴.

Такое упрямство со стороны будущих обитателей нового города имело серьезные основания. Даже если не брать в расчет трудности, связанные с собственно переездом, как и те испытания, которые сулил людям непривычный местный климат, переселение влекло за собой серьезные финансовые последствия. Перевозка домохозяйства в Петербург, а сверх того, расходы на строительство нового дома и дороговизна жизни на новом месте были способны поставить в тяжелое положение даже богатейших представителей элиты. Фридрих Христиан Вебер, ганноверец, входивший в состав английского посольства в Петербурге в 1714–1719 гг., писал, что, по оценке некоторых знатных семей, в результате переезда они лишились почти двух третей своего состояния¹⁰⁵. Одно из объяснений подобных затрат может заключаться в том, что по своему географическому положению Петербург отстоял гораздо дальше от дворянских имений, чем Москва, что затрудняло получение дворянами денег и оброков из своих поместий. Ф. Дэшвуд в начале 1730-х гг. приводил пример Ф.А. Лопухина, который получал ежегодно 30 тыс. рублей дохода со своих сибирских владений, но мог использовать в Петербурге меньше половины¹⁰⁶, т.е. остальная часть доходов Лопухина, несомненно включавшая в себя какую-то форму натурального платежа: провизии, дров и т.п., к нему не доходила. Пока дворянин жил в Москве, было сравнительно просто посылать ему продукты из имения и тем самым сокра-

град: С. 105–111.

⁹⁹ *Луннов С.П.* История строительства Петербурга. С. 23.

¹⁰⁰ СИРИО. Т. 61. С. 205–206. Уитворт – Ст. Джону. Санкт-Петербург, 26 мая 1712 г.

¹⁰¹ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 215.

¹⁰² *Луннов С.П.* История строительства Петербурга. С. 25–26.

¹⁰³ ПСЗ. Т. 7. № 4405. 5 января 1724 г. С. 196–197.

¹⁰⁴ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 175–176.

¹⁰⁵ *Weber F.Ch.* The Present State of Russia. Vol. 1. P. 191.

¹⁰⁶ *Dashwood F.* Sir Francis Dashwood's Diary. P. 205.

щать расходы, но переселение в Петербург делало дворянство более зависимым от денежного дохода¹⁰⁷.

Эта проблема была отчасти признана властями в 1719 г., когда дворяне, владевшие менее чем сотней дворов, а также купцы среднего достатка были освобождены от принудительного переезда в Петербург¹⁰⁸. Тем не менее переселение оставалось под контролем властей весь рассматриваемый период. В 1717 г. произвели перепись всех домов Петербурга и их обитателей, хотя в растущем городе с большой текучестью населения в некоторых районах трудно было собрать данные, фиксирующие число жителей на конкретный момент¹⁰⁹. О.Г. Агеева приводит сенатский доклад, в котором перечисляются дворяне, не сумевшие перебраться в Петербург к 1723 г., и предлагается расследовать причины их отсутствия, включая заявления о болезни, поданные через Медицинскую канцелярию¹¹⁰. С отъездом двора ненадолго в Москву в 1724 г. по случаю коронации Екатерины I, а также на более длительный срок в краткое царствование юного Петра II, это переселение прерывалось. Однако триумфальный въезд Анны Ивановны в Санкт-Петербург в 1732 г. (он рассматривается в третьей главе) недвусмысленно продемонстрировал намерения властей и обозначил решительный сдвиг в этом процессе. Присутствие в городе двора и главных государственных учреждений убеждало в том, что дворянству необходимо переселяться в Петербург, несмотря на недовольство расходами и неудобствами. Это отразилось в начавшемся здесь в 1730-х гг. активном строительстве, которое мы рассмотрим ниже.

Если говорить о процессе заселения Петербурга, то в этом смысле город рос очень быстро, учитывая его скромное начало. Согласно сведениям, собранным Святейшим синодом, город разросся с 40 тыс. жителей в 1725 г. до 70 тыс. в 1737 г.¹¹¹ Сбор такой информации возлагался в этот период также на Полицмейстерскую канцелярию. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин приказал этому учреждению составлять сводки о городском населении, включая в них не только сведения о русском населении (постоянном или пришлом) и о военнотружущих, но также об иностранцах – неважно, дипломаты они, купцы или моряки. В своем ответе генерал-полицмейстер А.Д. Татищев сослался на многочисленные трудности в исполнении этого задания¹¹². Затем он написал кабинет-секретарю Елизаветы, И.А. Черкасову, просьбу, чтобы Коллегия иностранных дел напрямую запросила необходимую информацию у иностранных дипломатических представителей¹¹³. В итоговом докладе приведена официальная численность жителей: 74 283 чел. (хотя к точности и достоверности подобных сведений за рассматриваемый период следует подходить с осторожностью)¹¹⁴. Для сравнения упомянем, что Иоганн Георги в своем знаменитом труде о Санкт-Петербурге, написанном в 1790-е гг., приводит цифру численности населения в 1750 г., равную 74 273 чел. (не считая детей)¹¹⁵. С тех пор население города, по-видимому, держалось примерно на том же уровне (хотя многие официальные отчеты сообщали о 120 тыс. жителей к началу царствования Екатерины II), так как в годы Семилетней войны в Петербурге сократилась численность военнотружущих¹¹⁶.

¹⁰⁷ Jones R.E. Getting the Goods to St. Petersburg: Water Transport from the Interior, 1703–1811 // SR. 1984. Vol. 43. P. 413–417.

¹⁰⁸ ПСЗ. Т. 5. № 3339. 23 марта 1719. С. 686–687.

¹⁰⁹ Долгова С.Р. «...ехать и переписать имянно без медления»: Первые жители Петербурга. 1717 г. // Исторический архив. 2003. Т. 2. С. 7–20.

¹¹⁰ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший всех градов в свете». С. 113–115.

¹¹¹ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 6–7.

¹¹² РГАДА. Ф. 16. Д. 459. Л. 1–4. (О числе жителей в Петербурге). 6 июля 1750 г.

¹¹³ Там же. Л. 5–5 об. 18 июля 1750 г.

¹¹⁴ Там же. Л. 11. Б.д.

¹¹⁵ Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного града Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Т. 1. С. 168.

¹¹⁶ Munro G. The Most Intentional City: St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison Cranbury, NJ, 2008. P. 49–51.

Для того чтобы представить себе масштаб роста Санкт-Петербурга на фоне других городов того времени, сравним его с некоторыми из них по состоянию на 1750 г. Несмотря на то, что крупнейшие европейские столицы все еще намного превосходили его (так, Лондон насчитывал 675 тыс. жителей, Париж – 576 тыс., Вена – 175 тыс.), он уже сравнялся со столицами соседних государств, в том числе со Стокгольмом (60 тыс. чел.), Копенгагеном (93 тыс.), Берлином (90 тыс.), Дрезденом (52 тыс.) и заметно перерос малые города-резиденции германских княжеств, например Брауншвейг (21 тыс.), Кассель (19 тыс.), Мангейм (20 тыс.), Вюрцбург (15 тыс.)¹¹⁷. Последние примеры важны в том отношении, что эти города формировались и развивались как резиденции правителей примерно в такой же краткий отрезок времени, как Санкт-Петербург. Настоящего расцвета в качестве крупного европейского города ему предстояло достичь уже в царствование Екатерины II, и в немалой степени – благодаря ее политике. Но важно подчеркнуть, что именно рассматриваемый нами период оказался решающим для становления Петербурга, причем не только потому, что в это время город формировался, но также и потому, что с окончательным перемещением сюда правительственных учреждений и их персонала была обеспечена преемственность его развития после смерти Петра I.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Главной географической характеристикой Петербурга была Нева. Влияние Невы на его развитие и на жизнь петербуржцев определялось, во многом, уже самим фактом присутствия реки в сердце города. В отличие от более узкой Москвы-реки, протекающей в старой столице, через могучую Неву, впадающую прямо в городе в Балтийское море, было очень трудно строить мосты. К тому же суровый климат делал переправу через реку в весенние и осенние месяцы опасной затеей. Положение еще больше осложнялось из-за желания Петра сделать жителей нового города умелыми, если не завзятыми, мореплавателями. Была разработана система штрафов, чтобы заставить офицеров в ветреную погоду ходить на своих судах под парусом, а не на веслах¹¹⁸. Что касалось остальных, то апрельским указом 1718 г. людям «всякого звания» предоставлялись малые суда, чтобы они могли ходить под парусами каждое воскресенье. Тех, кто пропускал эти выходы больше двух раз в месяц, наказывали¹¹⁹. Даже высокопоставленных жителей города от хождения под парусом не освобождали. Для участия в петровских «водяных ассамблеях» членам элиты полагалось иметь собственные суда, в том числе яхту и два катера. Неявка на эти мероприятия каралась в типично петровском стиле. После того как на празднование в честь возвращения царя в город в конце июля 1723 г. явилось мало участников, Петр велел генерал-полицмейстеру А.М. Девьеру в дальнейшем штрафовать отсутствующих без уважительной причины на 50 руб.¹²⁰

Активное нежелание Петра строить мосты в Петербурге было еще одним средством «поощрения» жителей к плаванию на судах. В результате в его царствование были сооружены только мосты через второстепенные водные пути, например деревянный пешеходный мост, связавший Петропавловскую крепость с Петербургской стороной¹²¹. Первым пересек Неву понтонный мост, построенный в 1727 г. и возобновленный в 1734 г., пролежавший между храмом Воскресения Христова на Васильевском острове и церковью Святого Исаакия Далматского¹²².

¹¹⁷ Все цифры взяты из кн.: *Vries J. de. European Urbanisation, 1500–1800.* Cambridge, MA, 1984. P. 270–278.

¹¹⁸ *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great.* P. 265.

¹¹⁹ ПСЗ. Т. 5. № 3193. 12 апреля 1712 г. С. 559–560.

¹²⁰ Последующий доклад от 1 сентября гласил, что штрафы были взяты с адмирала Ф.М. Апраксина, Якова Брюса и Корнелиуса Кройса: Указы, письма, бумаги и резолюции императора Петра I // СИРИО. Т. 11. С. 519–521.

¹²¹ *Бунин М.С.* Мосты Ленинграда: очерки истории и архитектуры мостов Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Л., 1986. С. 10–11.

¹²² *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга, 1749–1751. СПб., 1997. С. 259.

Но, несмотря на появление мостов, весь рассматриваемый период река оставалась главной коммуникацией города. В 1730-е гг. Дэшвуд писал, что «лодочные переправы» монополизированы государством, а городские купцы стараются держать собственные суда, отчасти из-за того, что им надо преодолевать водные преграды, чтобы попасть на Биржу на Васильевском острове. Любопытно, что «публичные дома» – под которыми Дэшвуд, вероятно, подразумевал трактиры или австории (другими словами, питейные заведения) – тоже, по его наблюдению, держали собственные суда¹²³. Это была обычная практика в других городах того времени, стоявших на речных берегах, – так, в Лондоне малые суда использовались для разнообразных целей, в том числе для доставки тех особ, которые желали ознакомиться с «удовольствиями» Саутуарка. В целом водный транспорт быстро стал неотъемлемой частью повседневной жизни Петербурга.

Петр, так увлекавшийся хождением под парусами, отводил Неве центральную роль во многих торжествах, как на праздновании крупной морской победы при Гангуте, которое состоялось в городе в сентябре 1714 г. Присутствовать на этом мероприятии было абсолютно обязательно, так как его программа была официально объявлена 8 сентября в виде печатного указа, оглашенного в церквях и обнародованного в газете «Ведомости». Празднование началось на следующий день, когда процессия кораблей вошла в Петербург. Их приветствовали пушечными залпами с обеих крепостей. Затем к зданию Сената, стоявшему тогда близ Петропавловской крепости, сквозь специально возведенные триумфальные ворота проследовало парадное шествие, в котором участвовали экипажи кораблей и вельи пленных шведов¹²⁴. Петр был произведен в вице-адмиралы, а завершился праздник банкетом во дворце А.Д. Меншикова, во время которого произвели фейерверк¹²⁵. Петербург стал также и местом празднования другой важной морской победы в Северной войне – в сражении при Гренгаме в 1720 г. В честь ее 8 сентября состоялась похожая процессия захваченных кораблей и шествие победоносных войск, после чего три дня устраивались фейерверки¹²⁶. Морская тема была представлена даже на нескольких петровских праздниках по случаю побед, одержанных на суше. Например в рамках празднований Ништадтского мира в Петербурге в феврале 1722 г. проходило карнавальное шествие с использованием платформ в виде кораблей. Еще несколько раз Петр или его ближайшие сподвижники являлись на придворных маскарадах в матросских костюмах¹²⁷. И даже после смерти Петра река участвовала в его похоронной церемонии (что рассмотрено подробно в третьей главе), когда по льду был проложен «прешпект» для движения процессии из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость.

Преемники Петра на троне гораздо меньше увлекались мореплаванием. Они не строили корабли своими руками, не затевали экспромтом «водяные ассамблеи», но спуск новых кораблей продолжали отмечать всякий раз, как и при Петре. Так, в июне 1736 г. Анна Ивановна присутствовала при спуске корабля, названного в ее честь. Затем, на следующей неделе, на этом корабле состоялся придворный банкет и бал, на котором присутствовали персидский посол и другие иностранные дипломаты¹²⁸. Из более крупных событий можно упомянуть торжественное открытие в Кронштадте, в конце июля 1752 г., канала Петра Великого, которое символически обозначило важность сохранения петровского морского наследия для его дочери, импе-

¹²³ *Dashwood F.* Sir Francis Dashwood's Diary. P. 203. Об этих заведениях речь пойдет в главе 3.

¹²⁴ Объявление нынешнего триумфального входа Его царского величества в Санкт-Петербург. СПб., 1714. Это событие было также увековечено на гравюре Алексея Зубова, выпущенной в следующем году.

¹²⁵ ПоЖ. 1714. 9 сентября. С. 47. Краткое описание этих событий приведено также у Вебера: *Weber F.Ch.* The Present State of Russia. London, 1968. In 2 vols. Vol. 1. P. 35–40.

¹²⁶ Там же. 1720. 8 сентября. С. 50. Зубов также запечатлел это событие на гравюре, но позднее, в 1720-е гг. (точная дата не установлена). Она выполнена гораздо детальнее той, что посвящена Гангуту, с изображением триумфальной процессии, следующей от реки к Петропавловской крепости. Оба изображения воспроизведены в кн.: *Лебедянский М.С.* Гравер петровской эпохи Алексей Зубов. М., 1973.

¹²⁷ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. P. 255.

¹²⁸ КфЖ. 1737. С. 23–25. 13 и 21 июня.

ратрицы Елизаветы. Открытие канала стало центром многодневного празднества с участием российских и иностранных сановников¹²⁹. Как и остальные горожане, сами царствующие особы и члены царской семьи регулярно плавали по реке, чтобы добраться из одной части города в другую или попасть из Петербурга в царские резиденции Петергофа и Ораниенбаума¹³⁰.

Еще одним символом связи города с миром природы служил Летний сад. Еще в марте 1704 г. Петр обращался в письме к Т.Н. Стрешневу – главе Разрядного приказа и одному из своих доверенных сподвижников – с просьбой прислать разные кустарники, деревья и растения, чтобы развести в своем новом городе сад, расположенный на южном берегу Невы, напротив крепости¹³¹. Следующие десять лет Петр продолжал выписывать растения из более теплых краев в своей империи, а также ввозил из-за границы экзотические экземпляры, а вместе с ними и садовников, призванных уберечь их в суровом климате. Особенно сильно повлияли на первоначальное развитие петербургских садов или парков голландские садовники, такие как Ян Роозен, работавший здесь с 1712 г. Однако в 1716 г. Петр задумал разбить регулярный сад во французском стиле и остановился на проекте, представленном ему архитектором Леблоном. Этот план состоял в прокладке от Невы к Мойке центральной аллеи, обрамленной античными бюстами и статуями, параллельно Лебяжьей канавке, которая разделяла Летний сад и Царицын луг. В остальном сад симметрично располагался по обе стороны от главной аллеи, украшенный фонтанами, павильонами и засаженный разнообразными кустарниками и деревьями¹³²

---

¹²⁹ Dixon S. 30 July 1752: The Opening of the Peter the Great Canal // Cross A. (ed.). Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers. Cambridge, 2007. Vol. 1. P. 93–108.

¹³⁰ См., например следующие записи в придворных журналах 1745 г. с упоминанием об использовании водного транспорта: КфЖ. 1745. С. 37 (24 июля); С. 43 (26 июля); С. 84–92 (30 августа); С. 155 (26 мая); С. 158–159 (1 и 3 июня).

¹³¹ ПиБВПВ. Т. 3. С. 42. 24–25 марта 1704 г. Петр I – Т.Н. Стрешневу.

¹³² Анисимов Е.В. Юный град. С. 242.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.